

Shafalovich Hanna ♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.212-218

UDC: 004.8:34

**The issues of consciousness in the context of the introduction
of artificial intelligence in legal activities**

Abstract: This article is devoted to the study of aspects of human consciousness in the context of the introduction of artificial intelligence technology in legal activity. The article considers the issues of presence of elements of consciousness in superpower artificial intelligence, the issues of relevance of the use of artificial intelligence technology in law, challenges to human consciousness as a result of the introduction of artificial intelligence in legal activity, the issues of dehumanisation of law in technological terms under the influence of the introduction of artificial intelligence in legal activity. We understand the dehumanisation of law as the loss of human significance as the main subject of legal relations and the displacement of humans from traditional activities due to their insufficient functional efficiency. It is manifested not only in giving legal personality to non-traditional subjects of law (e.g., electronic person or electronic administrative person), not only in the displacement of a human being from the chain "norm–addressee" by means of machine–written and machine–executed law, not only in the expansion of technological norms, which leads to the displacement of legal norms, but also in the cyborgisation of some people and the degradation of others in the process of their self–removal or elimination from the activities they have mastered, including in the legal sphere. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the widespread introduction of artificial intelligence is not a technological problem and not even a problem of creating an effective legal regulation of a new subject of legal relations – it is a serious challenge to human consciousness itself and, at the same time, one of perhaps the last chances for man to realize himself as a God–man.

Keywords: artificial intelligence, rule-making, ecosystem law, innovative development, dehumanisation of law, digitalisation, machine-readable law, machine-executable law, electronic legal entity.

References

1. Filipe, M. A. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control : dissertation submitted to Tilburg University to qualify for the Degree of Master of Laws (LL.M.) in International Business Law// SSRN Electronic Journal. –2017. –Vol. 6. –68 p.
2. Ivanov A.A. Digital Ethics and Law. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/7/cifrovaya_etika_i_pravo (in Russian).
3. Ilyin A.N. Western tolerance: the domination of democracy or the onset of dehumanization // MSU Herald. Series Sociology and Political Science. 2020. T. 26. No. 3. P. 227–246 (in Russian).
4. Kashkin S.Yu. Artificial intelligence and the formation of the newest trends in the development of modern law // Pravo.by. – 2023. – No. 5. – P. 25-33 (in Russian).

♦ **Shafalovich Hanna** - Ph.D. in Law, Associated Professor, BSEU, Department of the Theory and History of Law (the Republic of Belarus). E-mail: shafalovichy@gmail.com

5. Kashkin S.Yu. The role of artificial intelligence in the formation of platform law and its evolution towards the concept of the law of ecosystems // *Lex russica*. – 2022. – Vol. 75. – No. 1. – P. 94-108 (in Russian).
6. Lapaeva V. V. Law of technogenic civilization before the challenges of technological dehumanization // *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2021. No. 3. P. 4-35 (in Russian).
7. Matelsky A.F. Norm-making in digital format as an evolutionary stage of e-state development. Available at: URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/normotvorchestvo-v-tsifrovom-formate-kak-evolyutsionnyy-etap-razvitiya-elektronnogo-gosudarstva/> – National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus (in Russian).
8. Mikhailov D.Yu. Legal regulation of artificial intelligence – dehumanization of law? / D. Yu. Mikhailov, A. V. Popova // *Education and Law*. 2020. No. 8. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-degumanizatsiya-prava>. P. 267–271. (in Russian).
9. Ovchinnikov A. I. Human rights in the conditions of digital transformation of society and the state // *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2021. Vol.4. No. 8. P. 93-98 (in Russian).
10. Khabrieva T.Ya. Identification of the right in modern social regulation // *Voprosy filosofii*. 2021. No. 12. P. 5-17 (in Russian).
11. Khabrieva T.Ya. Perspective ways of coding social experience, translation of legal norms and programming of legal behavior // Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *The Future of Law. The Legacy of Academician V.S. Stepin and Legal Science*. Moscow: Russian Academy of Sciences: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; IN-FRAM, 2020. P. 134-152 (in Russian).
12. Shafalovich A.A. Introduction of artificial intelligence in rule-making activity in the context of innovative state // *Pravo.by*. – 2023. – No. 5. – P. 13-20 (in Russian).
13. Yastrebov O.A. Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. – 2018. – Vol. 13. – No. 2. – P. 36-55 (in Russian).

Шафалович А.А.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.212-218

УДК: 004.8:34

Вопросы сознания в контексте внедрения искусственного интеллекта в правовую деятельность

Аннотация: Исследуются аспекты сознания при внедрении технологии искусственного интеллекта в правовую деятельность. Статья рассматривает вопросы наличия элементов сознания у сверхсильного искусственного интеллекта, вопросы последствия для человеческого сознания широкого использования технологий искусственного интеллекта в праве, вызовы

---

* **Шафалович Анна Анатольевна** - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет» (Республика Беларусь). E-mail: shafalovichy@gmail.com

человеческому сознанию в результате внедрения искусственного интеллекта в правовую деятельность, вопросы дегуманизации права в технологическом плане под воздействием внедрения искусственного интеллекта в правовую деятельность. Дегуманизация права понимается нами как утрата человеком значимости в качестве основного субъекта правоотношений и вытеснение человека из традиционных видов деятельности вследствие его недостаточной функциональной эффективности. Она проявляется не только в наделении нетрадиционных для права субъектов правосубъектностью (например, электронное лицо или электронное административное лицо), не только в вытеснении человека из цепочки «норма-адресат» посредством машинописанного и машиноисполняемого права, не только в экспансии технологических норм, которая ведет к вытеснению норм правовых, но и в киборгизации одних и деградации других людей по мере их самоустранения или устранения от освоенных ими видов деятельности, в том числе в правовой сфере. В результате исследования автор приходит к выводу, что широкое внедрение искусственного интеллекта — это не технологическая проблема и даже не проблема создания эффективного правового регулирования нового субъекта правоотношений - это серьезный вызов самому человеческому сознанию и, одновременно один из, возможно, последних шансов человеку самоосознать себя, как богочеловека.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нормотворческая деятельность; экосистемное право; инновационное развитие; дегуманизация права; цифровизация; машиночитаемое право; машиноисполняемое право; электронное юридическое лицо.

ВВЕДЕНИЕ

Как человек, для которого вопросы (под)сознания, правосознания не пустой звук, предлагаю для обсуждения вопрос нетипичный для научных форумов по проблемам внедрения искусственного интеллекта (далее - ИИ) в правовую деятельность, а именно вопрос о гранях соотношения ИИ и сознания человека в праве. Насколько мне известно, этот вопрос предметно ранее не исследовался.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В первую очередь относительно наличия элементов сознания у ИИ отметим, что помимо основной «способности действовать» автономно, без постороннего контроля, ИИ обладает вторичными способностями к самообучению даже на начальной стадии своего существования. Д. Ю. Михайлов и А. В. Попова предполагают, что «роботы с ИИ смогут формировать определенное представление об окружающей действительности и о себе» [8, с. 269]. М. А. Филиппе, помимо автономии действия, выделяет «формирование у машины субъективного опыта (переживаний)» событий внешнего мира, как ключевой признак будущего электронного лица» [1, с. 11-12]. На скорое приобретение устойчивого автономного сознания ИИ указывают также способность последнего к субъективному отчету об этих событиях и ответной реакции на них.

Полагаем, суть происходящего внедрения ИИ во все виды правовой деятельности как нельзя лучше отражает название круглого стола, проведенного совместно Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики и Белорусским государственным экономическим университетом — «Искусственный интеллект в окнах Овертона...». А именно, наблюдается настойчивое продвижение технологии ИИ и приучение (приручение) массового сознания людей к неизбежности использования этой технологии. На возражения, дескать, на научных площадках обсуждаются все стороны ИИ (как положительные, как и нега-

тивные), мы отметим, что там происходит не решение вопросов относительно выявленных рисков и угроз внедрения ИИ в деятельность, а забалтывание проблем, появившихся вследствие внедрения ИИ, и в первую очередь, самого вопроса о необходимости такого внедрения. Полагаем, такой жизненной необходимости нет вообще, поскольку мы даже не пытались использовать весь потенциал права человеческого (имею в виду механизмы его самосовершенствования, саморегуляции и самоисполнения, использования человеческой созидательной и творческой деятельности в правотворчестве, в правореализации, в развитии культуры и правосознания, чтобы «расписаться в его бессилии» для решения актуальных задач устойчивого и динамичного развития правовой системы. Экстенсивный характер современного права делает его совершенно неэффективным средством социального контроля и свидетельствует о неправильно выбранной стратегии в развитии права. Поэтому мы не считаем, что внедрение ИИ в правовую деятельность выступает средством для усовершенствования человеческого права. Судя по всему, решая малые проблемы, мы создаем большие. Решая проблемы человеческого права с помощью ИИ, мы ставим под угрозу само его существование, как проявления божественного сознания.

Вспомните, как давно мы не обсуждали вопросы традиционной юриспруденции. Вместо этого юристы занялись какими-то обсуждениями вопроса «ИИ - это объект правового регулирования или его субъект?». Все научные и, скорее, около научные обсуждения ИИ в праве - это не решение проблем совершенствования человеческого права. Полагаем, в контексте окон Овертона, происходит легитимация *иного*, нечеловеческого сознания и установления сверхконтроля последнего над сознанием и правом человеческим. Хорошим или плохим было и пока еще остается человекотворное право, но оно человекоцентрированное.

В то время, как уровень осознания ИИ и реальных наработок по уточнению его правового статуса юриспруденцией очень низок, ИИ стремительно покоряет один за другим другие виды человеческой деятельности, создавая конкуренцию человеку, а в последствии и вытесняя его. Неумолимо быстро приближается момент создания сверхсильного ИИ, и вообще есть основания считать, что уровень развития этой технологии уже сейчас на порядки выше, чем доводится СМИ до массового сознания. Несмотря на все высказанные учеными предостережения, снова срабатывает принцип «собака лает, а караван идет».

Кроме того, надо признаться, мы по сути ничего об ИИ не знаем. Мы даже не знаем ни выгодоприобретателей, ни даже имен авторов-разработчиков этой технологии, несмотря на то, что это абсолютное право. И одних отговорок, мол, правообладателями являются ТНК, уже недостаточно. То, что бенефициарами этого внедрения являются не национальные государства и не простые граждане, надеюсь, уже очевидно всем. Выгодоприобретателем от внедрения ИИ считаем очень малочисленный круг агентов ультраглобализации, стоящих за ТНК и ведущими инвестиционными фондами. Субъекты, настойчиво и даже агрессивно продвигающие внедрение ИИ в человеческую деятельность, очевидно, имеют далеко идущие планы по вытеснению человека из традиционных для него сфер, и, следовательно, маргинализации, деградации или утраты человеком приобретенных навыков, в том числе мыслительной и иной сознательной деятельности.

Эта тенденция дегуманизации права (расчеловечивания) в технологическом плане (а есть еще биологический - в плане биоэтики и соматических прав человека) нами понимается как утрата человеком значимости в качестве основного субъекта правоотношений и вытеснение человека из традиционных видов деятельности вследствие его недостаточной функ-

циональной эффективности. К слову, говоря о дегуманизации права, надо помнить, что она проявляется не только в наделении нетрадиционных для права субъектов правосубъектностью (например, электронное лицо [16, с.36-55; 1, с. 30-32] или электронное административное лицо), не только в вытеснении человека из цепочки «норма–адресат» посредством машинописанного и машиноисполняемого права, не только в экспансии технологических норм, которая ведет к вытеснению норм правовых, но и в киборгизации одних и деградации других людей по мере их самоустранения или устранения от освоенных ими видов деятельности, в том числе в правовой сфере. К слову, согласно п. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», принятый 17.07.2018 г. № 130–3 технические нормативные акты признаны правовыми. К слову, Т. Я. Хабриева вообще утверждает об «утрате правом нормативности» [10, с. 13].

Так вот дальнейшее ослабление социального регулятора права прослеживается также в том, что возникшее под воздействием искусственного интеллекта платформенное право уже сейчас «стало соперничать с правом государства и привело к совершенствованию искусственного интеллекта, угрожающего уже самому существованию человека» [5, с. 105-106].

В этом контексте закономерно укрепляется инженерно-техническое правопонимание [2], по мнению Т. Я. Хабриевой, конкурирующее с гуманитарным [10, с. 13].

Параллельно тенденция дегуманизации права, технократизации государства (электронное государство) имеет место еще такие тенденции, как «юридическое оформление правосубъектности цифровых сущностей, которое лоббируется интернациональным капиталом, может привести к стиранию в праве фундаментальных различий между привычными субъектами и объектами правовых отношений – людьми и предметами» [10, с. 9]; «гибридизация в результате конвергенции с технологическими инновациями и практиками; превращение из нормативной в автоматизированную нормативно-когнитивную систему; конвергенцию содержания и формы права, нормативного и индивидуального правового регулирования; модификацию ряда его свойств, таких как нормативность и формальная определенность; ревизию идейных оснований права, его фундаментальных принципов – гуманизма, свободы воли, равенства и справедливости» [10, с. 5]. Отсюда возникает необходимость в новом прочтении принципа гуманизма, весьма кстати закрепленном белорусским законодателем в обновленном 17.07.2023 г. Законе «О нормативных правовых актах» (ст. 6) среди иных принципов нормотворческой деятельности. Полагаем, он призван сдерживать тотальную цифровизацию.

По поводу скорости дегуманизации права идут споры. Одни считают, что тенденции дегуманизации идут весьма быстро, побеждая своих гуманистических оппонентов» [3, с. 244]. Другие, как Т. Я. Хабриева, считают, что «право по-прежнему антропоцентрично, нацелено на то, чтобы защитить человека от разного рода угроз, в том числе генерируемых стремительно развивающейся антропотехносферой. ...Однако его динамика сигнализирует о наличии предпосылок для изменения одной из фундаментальных основ права. ...Под действием технологического фактора происходит размывание привычного концепта человека в праве, как и человеческого общества...» [10, с. 9].

Кроме того, ограничения для ИИ начального уровня, устанавливаемые человеком, не являются непреодолимыми ограничениями для сверхсильного ИИ. Он может найти пути, как обойти эти запреты при видимости их соблюдения. С другой стороны, закладывая алгоритмы поведения в безэмоциональное существо ИИ в критических ситуациях морального выбора, например, выбора меньшей жертвы при ДТП с участием автомобиля, управляемого с помо-

щью ИИ, мы сами для себя открываем грани человеческого сознания и границы допустимого для него.

Важно иметь в виду, что следующий (после информационных технологий) виток технологического роста будет происходить уже на базе технологий сознания. Поэтому в контексте обеспечения устойчивого (безопасного) динамичного развития общества и государства, в контексте реализации стратегического планирования надо учитывать, что за способностью ИИ к самообучению уже в неотдаленной перспективе последует способность к самоосознанию, и тогда, придется пересматривать все существующие «антропоцентричные» положения правовой системы. А это значит, что ИИ нужно будет рассматривать как иную форму сознания, возможно даже не всегда дружелюбную сознанию человека. Следовательно, человеческое сознание нужно, как минимум, сохранить до тех времен, в том числе, не растеряв имеющиеся навыки специалистов в различных сферах правовой деятельности. А такой риск существует, поскольку есть соблазн «переложить на плечи» ИИ многочисленные рутинные операции в правовой сфере. С учетом автономности деятельности, непрозрачности алгоритмов и постоянно растущей скорости обработки информации, усложнения решаемых ИИ запросов, недостаточной возможности оспорить результаты алгоритмов задача по контролю за деятельностью даже сертифицированного ИИ значительно усложняется. Между тем, искусственный интеллект «полезен, пока подконтролен человеку» [7].

В связи с вышеизложенным, А. И. Овчинников ставит задачу перед правоведами — защитить человечество от поглощения технократической парадигмой цифровой цивилизации. В.В. Лапаева также заявляет о «необходимости противостоять разрушительному потенциалу... технологий с тем, чтобы сохранить техно-гуманитарный баланс, до сих пор удерживающий человечество от самоуничтожения» [6, с. 4]. Она отмечает «качественно новый, постчеловеческий по своей направленности характер высоких технологий XXI века, которые меняют не только внешнюю по отношению к человеку среду, но и самого человека — его сознание, его психические и физические характеристики» [6, с. 4].

Задачу сохранения антропоцентричности правовой системы С.Ю. Кашкин и А.В. Алтухов предлагают решить в рамках новой парадигмы «экологически дружелюбного» человеку т.н. «экосистемного права», но опять же, как бы парадоксально это не выглядело, в том числе с помощью ИИ «нового уровня» [4, с. 31]. К слову, в указанных исследованиях С.Ю. Кашкин не уточняет оснований, почему экосистемное право, в отличие от платформенного и сетевого права, должно быть дружелюбным к человеку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полагаем, проблема внедрения ИИ в правовую деятельность - это не технологическая проблема и даже не проблемы правового регулирования нового субъекта правоотношений - это серьезный вызов самому человеческому сознанию и, одновременно один из, возможно, последних шансов человеку самоосознать себя, как богочеловека, а не как зверочеловека или биокомпьютер. С одной стороны, ставка в игре в цифровизацию может быть слишком высокой для человеческой цивилизации, поскольку под вопросом оказывается само ее существование, ведь вред и ущерб, причиненные правовому регулированию, безопасному и устойчивому развитию человека компенсировать не представляется возможным. С другой стороны, это может стать точкой роста массового человеческого сознания.

Библиография

1. Filipe, M. A. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control : dissertation submitted to TilburgUniversity to qualify for the Degree of Master of Laws (LL.M.) in International Business Law// SSRN Electronic Journal. 2017. Vol. 6. 68 p.
2. Иванов А.А. Цифровая этика и право. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/7/cifrovaya_etika_i_pravo. (дата обращения 20.10.2023).
3. Ильин А.Н. Западная толерантность: господство демократии или наступление дегуманизации // Вестник МГУ. Серия Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 227-246.
4. Кашкин С.Ю. Искусственный интеллект и формирование новейших направлений развития современного права // Право.by. – 2023. – № 5. – С. 25-33.
5. Кашкин С.Ю. Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем / С. Ю. Кашкин, А. В. Алтухов // Lexrussica. – 2022. – Т. 75. – № 1. – С. 94-108.
6. Лапаева В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. - № 3. - С. 4-35.
7. Мательский А. Ф. Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/normotvorchestvo-v-tsifrovom-formate-kak-evolyutsionnyy-etap-razvitiya-elektronного-gosudarstva/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.
8. Михайлов Д.Ю. Правовое регулирование искусственного интеллекта — дегуманизация права? / Д. Ю. Михайлов, А. В. Попова // Образование и право. 2020. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-degumanizatsiya-prava> (дата обращения: 26.10.2023). С. 267–271. С. 269.
9. Овчинников А.И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. 2021. Т.4. № 8. - С. 93-98.
10. Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. - С. 5-17.
11. Хабриева Т.Я. Перспективные способы кодирования социального опыта, трансляции юридических норм и программирования правового поведения // Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРАМ, 2020. С. 134-152.
12. Шафалович А.А. Внедрение искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность в контексте инновационного государства // Право.by. – 2023. – № 5. – С. 13-20.
13. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–55.